

Юрий
Кузнецов

25/VI-88

25 июня 1988 года ♦ № 146 [22288]

Ленинградская правда

ИНТЕРВЬЮ
В АНТРАКТЕ

«ЛЕНИНГРАД ПРИНЕС ВАМ УДАЧУ?...»

ЛЕНИНГРАДСКИЕ зрители с Юрием КУЗНЕЦОВЫМ — в то время артистом Омского академического театра драмы — сначала познакомились в кино. В фильме «Мой друг Иван Лапшин» он сыграл начальника милиции.

Молодой, яснолицый, открытый всем ветрам, его герой вместе с Лапшиным и его друзьями словно сошел с одного группового фотоснимка, на котором запечатлены люди середины тридцатых. Снимок сделан как бы сквозь время — с уважением и любовью, но и с трагическим предощущением той гигантской ноши, которую истории суждено было взвалить на это поколение.

Потом мы увидели Кузнецова в роли майора милиции Жукова из многосерийного телефильма «Противостояние». Его сдержанная энергия и расторопная немногословность как-то очень естественно вписывались в снежные пейзажи Заполярья. «Северный» майор — такое создавалось ощущение — из жизни пришел на экран, в нее и уйдет, едва окончится фильм. Как почти все герои Юрия Кузнецова.

А их за восемь лет беспрепятственной работы в кино — в основном на «Ленфильме» — появилось уже немало.

— Так ведь!

— Мне повезло: я работал с такими режиссерами, как А. Герман, С. Аранович, И. Хейфиц. Но были среди моих двадцати фильмов и такие, которые вспоминать не хочется. Так что, считаю, все еще впереди. Говорят, что актеру трудно бывает первые лет 20—25. А потом... еще труднее.

— Если сопоставить ваш кинорепертуар с афишей Ленинградского театра Комедии, в котором вы сейчас работаете, — контраст разительный.

— Да, меня в кино «держали», что называется, за серьезного артиста. Мои герои чаще всего имели трудную судьбу, носили ватную фуфайку и кирзовые сапоги. Как об особой радости, вспоминаю те немногие комедийные роли, которые все же выпали на мою долю. Еще в Ха-

баровском театре играл слугу в «Даме-невидимке». Несколько рубашек приходилось сменять в течение вечера — головокружительный темп, эмоциональный напор, искрометность.

В Омске наряду с героями В. Распутина и другими серьезными персонажами был у меня и простодушный деревенский паренек Вася из комедии «Любовь и голуби». Пьеса, между прочим, написана актером Омского театра Владимиром Гуркиным, она уже потом широко пошла по стране. В фильме Владимира Меньшова Васю прекрасно сыграл Александр Михайлов — мой однокурсник по Дальневосточному институту искусства.

Уже на ленинградской сцене мне очень интересно было работать над ролью ответственного секретаря редакции Самсона Попенкина в спектакле по повести В. Тендрякова «Чистые воды Китежа». Откровенно сатирический персонаж, потребовавший и своей пластики, и особого психологического состояния. Хотелось, чтобы это был живой человек, не карикатура.

— Живым был и Корченков в трехсерийном ленфильмовском детективе «Колье Шарлотты»...

— Я считаю, каким бы злодеем ни был персонаж, он тоже ведь живой человек, а не знак преступника, у которого все на лице написано. Возвращался я как-то однажды домой после репетиции. На метро до «Проспекта Ветеранов», оттуда еще автобусом. И вот вижу: несколько мальчишек за мной следят, прячутся вроде, чтобы я их не заметил, словно сыщики, идущие по следу преступника. Так и сопровождали меня до самого дома. Для меня это, впрочем, не новость. Телевидение время от времени повторяет этот детектив. Как только в моем кино-

репертуаре рядом с летчиками, офицерами милиции и другими мужественными и скромными людьми появился убийца-рецидивист Корченков, меня вдруг стали узнавать и, знаете, даже опасно обходить на улице.

— Как вообще начиналась ваша работа в кино? В детективном фильме, наверно, спросили бы: а как они [кинематографисты] на вас вышли!

— В Омск приехал режиссер с «Ленфильма». Был понедельник — в театре выходной. Приехавший бродил по пустым коридорам и фойе, разглядывал портреты артистов. Что-то, видимо, задержало его внимание возле моей фотографии, и вскоре он уже сидел у меня дома. Под его острым взглядом я внутренне поеживался. Он ничего не обещал и улетел в тот же день. Это был Виктор Федорович Аристов, в то время второй режиссер на картине «Мой друг Иван Лапшин», — он-то и стал моим крестным отцом в кинематографе.

Вскоре пришла телеграмма с приглашением на пробы. В Ленинграде я был тогда в первый раз. Походил по улицам, посмотрел вокруг, настроение приподнятое. Утвердят — не утвердят, об этом как-то и думать не хотелось, главное, что по Ленинграду хожу, дышу его воздухом. Сняли две сцены — пробовали меня на главную роль. Пробы оказались удачными. Через два дня уехал, а спустя какое-то время пришла телеграмма: «Вы утверждены на роль начальника милиции». Я, признаться, не сразу понял, что это не Лапшин, а совсем другая роль.

— Вы третий сезон — в труппе Ленинградского театра Комедии. Судя по сыгранным ролям на сцене, а также в кино и на телевидении, Ленинград принес вам удачу!

— Еще участвуя в фильме «Прорыв», я за восемь месяцев труднейших съемок, можно сказать, глубоко внедрил-

ся в ленинградскую землю — в самом буквальном, заметьте, смысле (в фильме молодого ленинградского режиссера Д. Светозарова о борьбе метростроителей с разбухавшейся стихией сыграл проходчика Визигина). А вот ленинградским жителем стал совсем недавно. На сцене Театра Комедии сыграл две большие роли — в спектаклях «Бешеные деньги» и «Чистые воды Китежа».

Репетирую сейчас Гуся в «Зойкиной квартире» Михаила Булгакова. Скоро премьера, думаю об этом с радостью и волнением. Что в кино? Снял-

ся в «Пресс-центре» — многосерийном телефильме по роману Юлиана Семенова. Это у меня третья встреча — после «Торпедоносцев» и «Противостояния» с ленинградским режиссером Семеном Арановичем. Работать с ним интересно и радостно. Другая новая работа — малосимпатичный Зотов в фильме Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего...». Считаю фильм событием в нашей общественной жизни, счастлив, что выпала честь принять в нем участие.

Беседу вел Евг. АБ
Фото Б. Клементьева